ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

Въ молодости, въ полномъ здоровьѣ и силѣ, иногда весело бываетъ порыскать на просторѣ, по горамъ и угорьямъ, по низамъ и равнинамъ, то густымъ боромъ, прислушиваясь къ такованью глухаря, и скрадывая его, когда онъ самъ себя заслушается и ничего не слышитъ и не видитъ — то мочижинами по чистой полянѣ, гдѣ чуткая собака дѣлаетъ мертвую стойку на молчанку или бѣлокуприка, котораго у насъ принято называть нерускимъ именемъ дупеля — то чистокустьемъ, молодымъ березникомъ, гдѣ слука, или боровой куликъ, самый лакомый кусочекъ сластоѣжекъ, взвивается передъ тобою столбикомъ, со своимъ особеннымъ, густымъ свистомъ и бульканьемъ — то, закинувъ гончихъ въ островъ, стоишь, притаясь на лазу, слѣдишь ухомъ за отчаяннымъ, заливнымъ лаемъ ихъ, болѣе похожимъ на голосистый, пѣвучій вой: го–

го–го–го! вторитъ имъ усердный псарь — голосъ его обращается сюда, въ эту сторону — лай и завыванье слышатся сквозь трущобу ближе и ближе — ясно узнаешь каждую гончую по голосу: вотъ *дошлая* заливается плачемъ, будто боится упустить добычу; вотъ *турка* вторитъ густымъ ободрительнымъ ревомъ; вотъ *ширяй* отрывисто подхватываетъ, а *мухортая* разливается колокольчикомъ: ай, ай, ай, ай!

Грудь на просторѣ широко дышитъ, суетныя заботы покинуты на время тамъ, далеко, въ душномъ городѣ, въ этомъ муравейникѣ мелочныхъ страстишекъ, дрязговъ и суетъ; человѣкъ на время отрѣшился отъ всего, что гнететъ и томитъ, онъ одинъ съ природою, глазъ на–глазъ, и будто ему ни до чего въ мірѣ нужды нѣтъ… но и это не надолго: онъ разсыпаетъ избытокъ тѣлесныхъ силъ своихъ по полямъ и горамъ, онъ освѣжаетъ духъ свой, пригнетенный одною умственною дѣятельностью, онъ будто въ знойный, удушливый день скупался въ безграничномъ морѣ, кинувшись

беззаботно, торчмя головой, въ бездну его; и освѣжась и укрѣпясь живительною силой природы, бодро возвращается опять къ своему долгу. Работѣ время, досугу часъ.

Была сказана охота на трое сутокъ: первый день на зайцевъ, другой на тетеревей, третій на волковъ. Эти охоты, кои называются отъѣзжимъ полемъ, гдѣ кочуютъ станомъ и сходятся въ урочный часъ на урочныхъ мѣстахъ, теперь становятся рѣдки, а въ былое время всю осень, съ Семена — дня (сентяб.) и до пороши, охотники проводили гурьбами въ отъѣзжемъ полѣ.

Подъ угорьемъ Урала, въ самой Башкиріи, жилъ барски во всемъ краѣ томъ извѣстный владѣлецъ. Дѣдъ его купилъ у башкиръ сотню тысячъ десятинъ чернозему, лѣсу, горъ, рѣкъ и озеръ, со всѣми угодьями, среди непочатой дикой природы, переселился туда съ цѣлымъ полкомъ крестьянъ, породнился черезъ женитьбу съ татарами, взялъ въ приданое большое татарское село, и все поколѣнье этого рода славилось въ краѣ богатствомъ,

хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Этимъ–то бариномъ сказана была охота, какъ всегда водилось, на полномъ угощеніи радушнаго хозяина. Это дѣлалось очень просто: онъ давалъ знать немногимъ окружнымъ помѣщикамъ и въ Оренбургъ, что въ Ташлахъ охота, сборъ съ вечера, такого–то числа; и кто могъ отлучиться отъ дѣлъ или службы, являлся на мѣсто, проскакавъ слишкомъ 200 верстъ на башкирскихъ лошадкахъ съ лычною упряжью. Случалось, что и первый приступъ этотъ стоилъ иному, коли не головы, то руки или ноги: верховыхъ, одичалыхъ коней, не бывавшихъ въ упряжкѣ, хватали съ паствы, цѣлая деревня сбѣгалась для закладки ихъ, башкиръ, отроду не правившій возжами, не только тройкою, вскакивалъ на облучекъ, между тѣмъ какъ толпа окружала и держала лошадей, стараясь угомонить ихъ, то лаской, то угрозой, путникъ садился въ кузовъ, и за словомъ: пошелъ! вся толпа разомъ, съ крикомъ и гикомъ отскакивала въ сторону; изумленая тройка съ мѣста

подхватывала во весъ духъ, и мчалась, не разбирая ни пня, ни колоды, до мѣста: тутъ опять выбѣгала на встрѣчу такая жъ безолабарная, шумная толпа запрягальщиковъ, которая съ трудомъ останавливала разлетѣвшуюся тройку, между тѣмъ, какъ другіе кидались опрометью въ поле, хватать укрюкомъ первыхъ попавшихся имъ лошадей.

Съѣздъ былъ изрядный: веселый хозяинъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ расположились гости, шутилъ, смѣялся, иногда и подсмѣивался, а вокругъ всѣ были заняты пересмотромъ ружей, насыпкой порошницъ и дробницъ, а болѣе также веселой болтовней; тутъ былъ и памятный доселѣ въ томъ краю, всѣми любимый записной охотникъ, не унывавшій никогда, нигдѣ и ни при какой невзгодѣ, и умѣвшій смѣшить всѣхъ самыми пустыми и пошлыми остротами: онъ стрѣлялъ слуку по сарафану, утку по салопу; онъ зайцу задавалъ прыску въ догонку, а убивъ его, никогда не забывалъ отдать ему послѣднюю честь, приложивъ руку къ козырку —

словомъ, какъ я сказалъ, пошлыя ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкинъ, познакомясь съ нимъ въ Оренбургѣ и попарившись у него въ банѣ, съ росписанымъ охотою передбанникомъ, прислалъ ему послѣ своего Пугачева, но забывъ прозванье его, написалъ: «Тому офицеру, который сравнивалъ вальдшнепа съ Валенштейномъ». Былъ тутъ и необходимый при всякомъ подобномъ случаѣ охотникъ, на котораго будто судьба положила обязаность невольно забавлять собою общество, не смѣшить его, какъ тотъ дѣлалъ, дешевыми остротами, а странностями и чудачествомъ своимъ, опрометчивостью и неудачами.

Вскорѣ послѣ шумнаго ужина всѣ улеглись, завтра вставать до зари — лишь нѣсколько отчаянныхъ кузнецовъ проковали всю ночь въ четыре кулака по зеленой наковальнѣ, или, какъ выражался острякъ, занимались руководствомъ шайки пятидесяти двухъ разбойниковъ, т. е., играли въ карты. Всѣ мы до зари вскочили

бодрые, веселые, полные надеждъ на великіе охотничьи подвиги, а эти несчастные ковали, не смыкавшіе глазъ во всю ночь, бродили блѣдные, растрепанные, скучные и истомленые. Послѣ перехватки на скорую руку, всѣ усѣлись на тарантасы, по–просту на дроги, гдѣ помѣщается человѣкъ до двенадцати, и радостно понеслись въ поле. Тутъ всѣхъ развезли по шалашамъ, подали знакъ рогомъ, и конные загонщики тронулись въ ходъ со всей округи.

Дѣло это устроивается такъ: тетерева съ ранней весны разсыпаются врозь по всему простору мелкаго лѣсу, березовыхъ колковъ полей, гдѣ и вьютъ на землѣ, въ травѣ и подъ кустами, гнѣзда; въ это время они такъ ловко прячутся, что матки почти не удастся увидѣть, а развѣ только наткнешься иногда на косача, т. е. пѣтуха. Высидѣвъ цыплятъ, отъ 10 до 20, тетерка водитъ ихъ, какъ курица, и въ іюлѣ хорошо стрѣлять молодыхъ изподъ собаки; выростивъ цыплятъ, тетерева начинаютъ стаиться, днемъ летаютъ на кормежку

стаями, на хлѣба, особено когда хлѣбъ уже въ копнахъ, а къ ночи отлетаютъ въ ближніе лѣса; на зимовку же, когда въ этихъ мѣстахъ, столь привольныхъ по осени, все покрывается снѣгомъ, и зерна съ земли не добудешь, они подаются далѣе въ глушь, въ дремучіе хвойные лѣса, гдѣ клюютъ хвою и хвойныя шишки. Вотъ во второй–то промежутокъ времени, когда они держатся въ мелкихъ лѣсахъ большими стаями, ихъ бьютъ на чучела: ставятъ въ открытыхъ мѣстахъ на полянкахъ сухое, или очищеное отъ листвы дерево, на которое вобще птица охотно садится, сажаютъ на дерево это чучело тетерева, или грубое подобіе его, сшитое изъ сукна и набитое сѣномъ, либо такой же, окрашеный деревяный болванъ, а шагахъ въ двадцати отъ него ставятъ соломеный шалашъ, гдѣ укрывается охотникъ; пролетая взадъ и впередъ, особенно коли ихъ въ другихъ мѣстахъ сгоняютъ, тетерева принимаютъ безобразное чучело это за своего брата, присѣдаютъ къ нему сбоку и охотникъ стрѣляетъ свою добычу, подбирая ее послѣ

за–одинъ разъ подъ сухимъ деревомъ. Эта охота бываетъ удачна по зарямъ, потому что тетерева днемъ отлетаютъ, какъ сказано, на хлѣба, а въ лѣсахъ только ночуютъ.

Я сѣлъ себѣ въ просторный, вязаный пучечками соломеный шалашъ, прорѣзалъ охотничьимъ ножемъ окошечко вершка въ два, противъ чучела, осмотрѣлъ еще разъ исправность ружья, и прилегъ бокомъ, въ ожиданіи прилета живыхъ чучелъ.

Воробей, подумалъ я, не похожъ на умнаго человѣка, а между тѣмъ много хитрѣе этого простака. Тетеревъ, онъ же березовикъ, полевой — тетеревъ, полюкъ, паляшъ, пальникъ, или пальникъ, будто бы оттого, что любитъ паленыя, горѣлыя мѣста — стороженъ, человѣка на выстрѣлъ рѣдко подпустить, но въ обманъ дается на всѣ лады; не только попадаетъ онъ на снопахъ въ пленки, силки, не умѣя отпутать петли отъ ноги, не только кроютъ его всей стаей шатромъ, большою сѣтью, онъ валится даже въ корзины и верши: ставятъ въ полѣ ивяную плетушку, съ крышкой на–

чебурахѣ или на–перечалѣ, т. е. которая перевертывается, опрокидывается; вершу эту обставляютъ снопами, цѣлая стая падаетъ на поддѣльную копну, а кто попалъ на крышку, тотчасъ проваливается; крышка опять устанавливается, и ближайшій сосѣдъ погибшаго, не чая худа, пользуется просторомъ и садится на его мѣсто — гдѣ его постигаетъ та же злая участь! Да чего, дѣло строится и еще проще: ставятъ плетенку, долгую, узкую кверху, съ отверстіемъ по гребню во всю длину, не шире четверти; вдоль этого отверстія протягиваютъ бичевку, обвитую соломой, и всю плетенку обставляютъ снопами; тетерева смѣло и незадумавшись съ разлету садятся на продольный жгутъ, который, перевертываясь у нихъ подъ ногами, роняетъ ихъ въ плетенку, а слѣдующіе собраты погибшаго спѣшатъ занять его мѣсто! Такимъ образомъ случалось, что вся корзина набивалась доверху птицей, и остальнымъ глупышамъ уже не опасно было сидѣть, потому что некуда было проваливаться. Но еще забавнѣе эта

стрѣльба на чучела: безобразный суконный болванъ, въ которомъ едва узнать можно подобіе птицы, съ красными суконными бровями и бѣлой заплаткой на боку — это для нихъ приманка, тогда какъ для всякой другой птицы это могло бы служить только пугаломъ...

Сильный внезапный шорохъ, будто градовая туча разразилась надъ моимъ соломенымъ шалашемъ, заставилъ меня вскочить на колѣни — я припалъ глазомъ къ оконцу: цѣлая стая тетеревей покрыла собою обольстительное чучело, сухая береза словно ожила, ни сучечка свободнаго, косачи и пеструхи (курицы) обсѣли всю — а надъ головою моею что-то переступало по соломѣ, очевидно, что и тамъ усѣлась часть вереницы, я легонько высунулъ дуло ружья въ оконце — и три тетерева на зарядъ пали, глухо грянувшись обземь.

Такъ шло дѣло еще часика два, и я слышалъ частую перестрѣлку во всѣхъ окружныхъ шалашахъ, раставленыхъ на полверсты и ближе одинъ отъ другаго. Пора

лету прошла, и по часамъ было время идти на сборное мѣсто; я подобралъ 28 тетеревей, лежавшихъ грудой подъ сухой березой, кои мнѣ порядочно оттянули плеча.

На стану уже издали слышался крикъ и шумъ и хохотъ, между тѣмъ тутъ же раздавались выстрѣлы, и послѣ каждаго, заливной хохотъ веселой братіи усиливался: оказалось, что проказникъ и невольный потѣшатель нашъ выпустилъ уже восемь зарядовъ, по сидящему на высокой соснѣ косачу и спѣшилъ снова заряжать ружье; между тѣмъ тетеревъ сидѣлъ себѣ преспокойно, не удостоивая смертельнаго непріятеля своего никакого вниманія. Это было нарочно, для такой потѣхи посаженое чучело, а молодой, горячій стрѣлокъ до того распалился, что ничего не видѣлъ и не слышалъ; общій же хохотъ принималъ онъ лишъ за насмѣшку надъ тѣмъ, что онъ не попадаетъ въ птицу!

Когда всѣ сошлись, то начался смотръ: на двухъ жердяхъ, въ головѣ раставленаго на землѣ обѣда, красовались, ожидающія

приговора награды: дубовый вѣнокъ и шапка съ ослиными ушами, искусно сдѣланая изъ лапушника, чертополоха и тому подобныхъ миловидныхъ растеній; первый назначался *царю поля,* тому, кто всѣхъ обстрѣляетъ, вторая, послѣднему по искуству или по счастью. Беспорно первымъ оказался нашъ балагуръ, хорошій, ловкій стрѣлокъ, который опытнымъ глазомъ выбралъ себѣ лучшее мѣсто, шалашъ на перелетѣ; послѣднимъ же — на бѣднаго Макара шишки валятся — *Кипяченый,* какъ его прозвали, который, какъ мы сейчасъ видѣли, не смогъ даже убить неживой тетерки! Съ нимъ, сверхъ того, случилось еще другое дивное приключенье: при счетѣ дичи у каждаго, общимъ обходомъ, по кучкамъ, въ числѣ пятка тетеревей, у *горячаго* оказалась лысуха; откуда она взялась, этого никто не зналъ, или не говорилъ, но она была тутъ, на лицо, въ одной связкѣ съ тетеревами — лысуха, дрянная болотная птица, которой никто не стрѣляетъ, и сверхъ того убитая замѣсто косача, на деревѣ!

Въ такомъ братствѣ смѣхъ дешевъ, и повальному хохоту не было конца. За плохую удачу, да еще за подлогъ, *горячему,* по общему приговору, поднесена была почетная шапка съ ушами.

Эта шутка вскипятила *горяченькаго* такъ, что сердце чуть было не перекипѣло: вотъ и правду говорятъ наши пословицы: всякую шутку къ себѣ примѣряй, и: шути, покуда краска въ лице не вступила! Но любимецъ нашъ, балагуръ, мигомъ все дѣло поправилъ, успокоивъ одного и потѣшивъ всѣхъ: ну что ты белендрясничаешь, сказалъ онъ, эка нивидаль! Ну давай мѣняться, бери мою шапку, давай свой колпакъ! Давай, отвѣчалъ тотъ сгоряча, забывъ, что онъ отъ своего лапушника отрекся; только съ тѣмъ, чтобы ты его надѣлъ! А ты бы какъ думалъ, возразилъ этотъ, вѣдь не во–щи–жъ его крошить, разумѣется надѣну — ну да ужь и ты же надѣвай свой! Теперь уже тому никакъ неловко было снова отказываться, и оба, ко всеобщей потѣхѣ, обмѣнявшись наградными знаками, наложили ихъ на головы.

Господа, сказалъ хозяинъ, чинъ празднества нашего немного измѣнился, надѣюсь, не въ убытокъ намъ: вѣдь день–то великъ, до вечера долго, что жъ мы будемъ на боку лежать? Ѣдемъ сейчасъ на зайцевъ, все готово, а къ сроку опять всѣ будемъ по шалашамъ!

На русака ордою ходить неудобно, развѣ растянувшись порядкомъ, ровняться, идучи наудачу; русакъ лежитъ розно и притомъ на степи, или въ полѣ, всегда на чистомъ мѣстѣ; но на бѣляка, который почти одинъ только и есть въ тѣхъ мѣстахъ, хорошо ходить и многимъ вмѣстѣ: съ одной стороны вкругъ лѣснаго колка или острова становятся стрѣлки, за кусты или деревья по опушкѣ, а съ противной стороны заходитъ облова, цѣпь загонщиковъ, и проходитъ съ гикомъ лѣсомъ насквозь, или въ островъ закидываютъ гончихъ, а стрѣлка провожаютъ ихъ, по обѣ стороны, опушкой, а борзыхъ, коли онѣ есть, держатъ на сворахъ въ отдаленіи, подхватывая то, что уходитъ изподъ ружей.

Только–что гончихъ спустили со смычковъ и псарь запорскалъ, какъ выстрѣлы посыпались горохомъ. Заяцъ лисьихъ уловокъ не знаетъ: отлеживается до нильзя, а вскочилъ, такъ побѣжалъ зря, на кого наткнулся. У русака есть еще кой–какія смѣлыя, отчаяныя хитрости, а бѣлякъ простъ. Русакъ иногда поводитъ сперва собакъ накороткѣ, какбы испытывая бойкость ихъ, такъ, что не знаешь, кто кому даетъ угонки, собаки ли зайцу, заяцъ ли собакамъ, да поумаявъ ихъ порядкомъ, какъ поддастъ прыти, да какъ пойдетъ стрѣлой напрямикъ, такъ только его и видѣли! Другой же дастъ собакамъ натечь во весь духъ, подпуститъ ихъ вплоть, вотъ только ухватить щипцомъ, да мигомъ припадетъ: всѣ собаки черезъ него перенесутся, а ужь онъ гдѣ — прямехонько назадъ себѣ удираетъ: собаки размечутся врозь, еще скоро ли возрятся опять! А еще лучше штука у него есть вотъ какая: разгонитъ онъ за собою собакъ во весь духъ, а потомъ маленько отдастъ, тѣ насядутъ вплоть, вотъ ужь облизываются —

а онъ прыжка кверху, аршина на четыре — собаки — тѣ всѣ подъ нимъ прометнутся, а онъ, какъ палъна землю, такъ во всѣ лопатки назадъ!

Да, русакъ, въ отчаяномъ случаѣ, и смѣлъ и находчивъ: раскажу вамъ про инвалида, искалѣченаго на войнѣ съ зайцемъ, одинъ на одинъ, такъ, что дѣло это почти можно назвать поединкомъ или единоборствомъ!

Охотникъ, котораго несчастнѣе не зналъ я во всю жизнь, потому что онъ въ минуту спуска курка всегда вздрагивалъ и опускалъ дуло, и никогда, ничего не убивалъ, охотникъ этотъ однакоже былъ неутомимъ на ходьбу, необычайно зорокъ, такъ, что усматривалъ почти каждаго зайца на логвѣ — что очень трудно — и потому, не смотря на зарокъ послѣ каждой попытки, все–таки опять ходилъ на охоту. Прошлявшись однажды зимою цѣлый день, стрѣлявши по двадцати зайцамъ, и не убивъ ни одного, онъ шелъ, въ отчаяномъ расположеніи, домой. Подходя къ городу, гдѣ были огороженые плетнями капустники,

онъ однако же не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ нимъ, и не поглядѣть черезъ плетень: по первому взгляду острый глазъ его наткнулся на русака, спокойно лежавшего въ бороздѣ... постой, подумалъ онъ, этотъ отъ меня не уйдетъ: и обошедъ напередъ весъ огородъ кругомъ, онъ отыскалъ худое мѣсто, гдѣ заяцъ, какъ и по слѣдамъ видно было, пролѣзъ, задѣлалъ мѣсто это и забилъ снѣгомъ, а потомъ, не трогая заваленой сугробомъ калиточки, перелѣзъ черезъ плетень, оправилъ ружье, прицѣлился разъ, другой въ кочку — кажется, я очень вѣрно прикладываюсь, и выдерживаю — авось попаду! Онъ подошелъ близехонько, выпалилъ, заяцъ вскочилъ, и пошелъ въ огородѣ на кругахъ... отчаяный стрѣлокъ ударилъ ружье обземь, но оно въ мягкомъ снѣгу уцѣлѣло. Зарядивъ его снова, онъ подбирался къ зайцу, которому некуда было выскочить, со всѣхъ сторонъ и на всѣ лады, все хотѣлось поближе — и стрѣлялъ еще раза два — нѣтъ, не беретъ! Увидавъ въ это время прохожаго мальчишку, онъ

подозвалъ его и устроилъ такую стратегію: присѣвъ въ уголъ огорода на корточки, онъ велѣлъ мальчику гонять зайца, надѣясь, что этотъ набѣжитъ на него близко, а онъ наконецъ–таки его убьетъ. Отчаяный русакъ, не зная куда отъ этой напасти дѣваться, разлетѣлся со всего духу на кочку въ углу, которая могла послужить ему приступкомъ — не заботясь о томъ, что кочка эта живой человѣкъ, охотникъ съ ружьемъ — и въ одно мгновенье раздался выстрѣлъ, а русакъ, перескочивъ, съ помощію кочки, черезъ плетень, несся уже далеко... но онъ неосторожно ступилъ на подмостки: несчастный охотникъ стоялъ и утирался въ два кулака, снѣгъ вкругъ него обливался кровью; упоръ позанокъ пришелся прямо въ лице бѣдняку, и заяцъ разодралъ охотнику губу на вершокъ...

Но пора воротиться и къ нашимъ стрѣлкамъ. Пальба шла кругомъ, зайцы валились, и вдругъ къ одному убитому подбѣжали два охотника, и каждый потянулъ было зайца къ себѣ; одинъ изъ нихъ горячился и кричалъ, что онъ его

убилъ — и разумѣется, что это опять былъ роковой *горячій*. Третій охотникъ подошелъ, взглянулъ на мѣсто, гдѣ кто изъ нихъ стоялъ и какъ бѣжалъ заяцъ, осмотрѣлъ его, чтобы видѣть, съ которой стороны ударила дробь, мигнулъ товарищу и приговорилъ зайца *горячему*. Мигомъ разошлась по всей цѣпи стрѣлковъ вѣсть, что горячій отжилилъ чужаго зайца, и что за это надо его *обвѣшать*. Обвѣшать охотника называется то, что теперь послѣдовало: кто бы ни убилъ зайца, всякій спѣшилъ отнести или отослать его къ *горячему*, съ увѣреньемъ, что это его заяцъ, тотъ самый, по которому онъ недавно стрѣлялъ, и что заяцъ, недалеко отбѣжавъ, упалъ. Нѣсколько изумленый, но обрадованый удачею и никакого умысла не подозрѣвающій, *горячій* сталъ молча вторачивать зайцевъ своихъ въ торока, и не успѣлъ оглянуться, какъ ему подвалили ихъ едва ли не болѣе, чѣмъ могла поднять лошадь! Тутъ только разгадалъ онъ загадку, и снова бѣдняга сталъ общимъ

посмѣшищемъ. Зайцевъ разобрали по рукамъ.

Вечеромъ опять сидѣли мы по своимъ шалашамъ и пальба шла бѣглымъ огнемъ. Слѣдующій день прошелъ точно также, утро и вечеръ на тетеревей, а день на зайцевъ. Безъ разныхъ проказъ не обошлось, но для примѣра довольно будетъ и одного: когда всѣ гурьбой тронулись въ путь на зайцевъ, то посланый башкиръ потянулъ *горячаго* за локотокъ, и отведя его въ сторону, указалъ на зайца въ логвѣ. Тотъ съ пылу за ружье, и положилъ его на мѣстѣ. Всѣ на выстрѣлъ прискакали, дивясь счастью охотника. Между тѣмъ башкирецъ скрылся, а одинъ изъ охотниковъ спросилъ: что это у зайца въ зубахъ, посмотрите! Самъ хозяинъ, *горячій,* вторачивая зайца, выдернулъ у него изо–рта бумажку… Писмо, писмо, закричали всѣ, къ *горячему* заячья почта ходитъ! Читайте, читайте вслухъ… тотъ, развернувъ записку, стоялъ какъ растеряный, а другіе за него прочитали: «Меня убилъ Иванъ Павловичъ Горячій» — мѣсяцъ и число…

Пришелъ и третій день, чередъ волчьей охоты. Тутъ пошли иныя приготовленья: ружья, въ кои уже едва проходилъ шомполъ, отъ нагару, перемывались; доставали дробь–безымянку, самую крупную, да жеребейки; все это дѣлалось уже утромъ, потому что торопиться было нечего, на волковъ рано выходить нельзя, а ужь такъ, когда солнышко обогрѣетъ. Волкъ ночью на промыслу, рыщетъ по близости жилья, а какъ день настанетъ, такъ онъ пробирается въ лѣсъ, и притомъ обычно ночуетъ въ одномъ логвѣ, покуда его кто тамъ не обезпокоитъ. Пользуясь этимъ, волковъ напередъ развѣдываютъ, высматриваютъ по зарямъ, а по ночамъ или свечера *подвываютъ*. Для этого опытный и умѣющій охотникъ идетъ еще засвѣтло въ тѣ мѣста, гдѣ подсмотрѣны волки и гдѣ предполагается логво ихъ; это особенно удобно позднею осенью, когда прибылые уже подросли, но еще не покинули гнѣзда, а шатаются и ночуютъ еще при старыхъ. Выбравъ безопасное мѣсто, напримѣръ на деревѣ, а всего лучше на скирдѣ сѣна, съ

того боку лѣса, гдѣ у волковъ лазы, то есть тропинки, подвывальщикъ ложится тамъ, и выждавъ сумерки, по временамъ начинаетъ выть по волчьи. Коли волки тутъ, то они непремѣнно отзовутся, и даже подбѣгутъ ближе, чтобы завести новое знакомство; они слышатъ, что долженъ быть пришлый собратъ, голосъ чужой, его тутъ не было слышно. Разохотивъ ихъ нѣсколькими пріемами, подвывальщикъ достигаетъ того, что всѣ, сколько ихъ есть по близости, почередно подадутъ голосъ, и такимъ образомъ вѣрно знаетъ, сколько волковъ здѣсь ночуетъ. Для вѣрности, онъ повѣряетъ ихъ не одинъ разъ, по зарямъ, какъ повѣряютъ солдатъ на перекличкѣ, и вѣрно знаетъ имъ счетъ.

Но волкъ догадливъ, остороженъ, и притомъ трусливъ: малѣйшій шумъ или тревога подымаетъ его съ мѣста, и онъ уходитъ, прежде чѣмъ его увидишь. Его надо обмануть и исплошить, иначе онъ не дастся. Онъ наглъ и дерзокъ только тамъ, гдѣ видитъ, что осилитъ, гдѣ ихъ много, или гдѣголодъ довелъ его до лютости. Когда

сидишь ночью съ ружьемъ въ ямѣ, или въ шалашѣ, или въ сельской банькѣ на концѣ селенья, подстерегая волка на падали, то видишь, съ какою онъ осторожностью подходитъ, какъ онъ издали кружитъ около, туда и сюда, останавливаясь почасту и подымая чутье высоко на вѣтеръ, какъ потомъ крадется, останавливаясь и поглядывая на жилое мѣсто, а рѣдко оглянется назадъ, гдѣ у него лѣсъ и поле; если темно, и трудно разсмотрѣть, волкъ ли, или собака подошла къ привадѣ, то едва ли ошибешься по простой примѣтѣ: волкъ становится у падали всегда рядомъ къ полю, головой къ селенью, хотя бы оно было и далеко отъ этого мѣста, а собака, напротивъ, подходитъ со стороны селенья, и рветъ приваду глядя на лѣсъ. И тотъ и другая знаютъ, откуда ожидать врага. Волкъ очень вѣрно слышитъ, откуда идетъ звяга, лай или крикъ, тотчасъ вскакиваетъ, и недолго прислушивается, чтобы смѣтить, мимо ли его проходитъ шумъ этотъ, или подвигается къ нему: какъ только онъ убѣдится въ послѣднемъ, такъ бѣжитъ

напрямикъ въ противную сторону, а подбѣгая къ опушкѣ, много разъ останавливается, послушивая, высматривая и причувая, нѣтъ ли тутъ на выходѣ какой опасности, если же чуть что провѣдаетъ, то сворачиваетъ лѣсомъ же въ бокъ, и его на опушкѣ не увидишь, а развѣ только услышишь по шероху.

Опытные подвывальщики обѣщали намъ удачную охоту, если только какая–нибудь случайность не испортитъ дѣла; но для этой случайности довольно упустить до времени одну собаку, или подходя къ лѣсу лишку пошумѣть, проскакать съ шопотомъ, громко перекликнуться и прочее. Подвывала передали только ближайшимъ довѣренымъ своимъ, что ими насчитано въ двухъ мѣстахъ, по голосамъ, 23 волка!

Когда уже солнце стояло вполдерева, то мы, хорошо позавтракавъ, поднялись; чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ мѣсту, всѣ верхами, чтобы не было стуку отъ колесъ, тѣмъ тише бесѣдовали. Псари съ гончими своротили вбокъ, чтобы объѣхать лѣсъ поодаль, стрѣлки подались въ противную

сторону, а ловчіе, съ борзыми на сворахъ, разсыпались порознь въ обѣ стороны, чтобы издали обнять лѣсъ, ставъ на видномъ мѣстѣ, однако за кустомъ или за холмомъ, откуда бы можно было перенять выбѣжавшаго изъ лѣсу звѣря. Мы вскорѣ передали лошадей своихъ стремяннымъ, а сами пошли пѣши къ лѣсу, гдѣ стали въ опушкѣ, по удобству, за пнемъ или за кустомъ, на полтора выстрѣла другъ отъ друга. Далѣе часу длилось томительное ожиданье, для каждаго въ одиночествѣ; цѣлый таборъ, поднявшійся съ мѣста, будто утонулъ въ лѣсу—и вокругъ не слышно было ни звука.

Солнце начинало припекать. Я вышелъ осторожно нѣсколько шаговъ назадъ, къ полю, чтобы оглянуться, замѣтить, для осторожности, гдѣ стоятъ оба сосѣда мои; я стоялъ задомъ къ дремучему лѣсу, передо мною растилалась большая поляна съ рѣденькими кустами, кой гдѣ по холму, изъ за котораго виднѣлась только голова всадника, ловчаго съ борзыми, а далѣе лѣсные островки съ перелѣсками. Вдругъ

издали, казалось весма далеко, раздался мягкій, голосистый рогъ нашего хозяина — сердце дрогнуло, я кинулся на свое мѣсто, подъ невысокую, развѣсистую ель, которая бы хвоей своею меня сверху прикрывала и затѣняла.

Этотъ тихій, одинокій голосъ рожка, который замеръ на просторѣ, пробудилъ съ противнаго края лѣса звонкіе отголоски: зычные, высокіе голоса псарей проснулись, го–го–го! раздалось вдалекѣ, какъ кликанье лебедей подъ облаками, и вслѣдъ за тѣмъ звяла выжлоковъ, стаи гончихъ... ближе и ближе — вотъ напали на слѣдъ и гонятъ по красному звѣрю! О, это не гавканье по зайцу — это отчаянный вой, это лютый, неистовый лай, это и плачъ и хохотъ вмѣстѣ — пошли по зрячему, и неумолчный, заливной, изступленный крикъ псарей слился въ одно съ отчаяннымъ лаемъ и воемъ гончихъ...

Влѣвѣ, на заворотѣ лѣска раздался выстрѣлъ, и другой, и третій, и наконецъ до десятка — шумъ и крикъ сдѣлался общимъ, весь лѣсъ ожилъ, цѣлая стая волковъ тремя

кучками прорвалась между стрѣлками, четыре волка пало на мѣстѣ, остальные, частью раненые, понеслись въ разныя стороны; одному хозяинъ нашъ заскакалъ было дорогу, и тотъ бросился на него, вскочивъ лапами на грудь; этотъ ударилъ его кнутовищемъ арапника по рылу, лошадь взвилась на дыбы и подмяла волка копытами, собака натекла и ловчій прикололъ звѣря; гончія съ псарями прошли насквозь и понеслись за разбитой стаей; въ полѣ ловчіе принимали встрѣчу этихъ смиренныхъ головорѣзовъ, спуская на каждаго по доброй сворѣ, и по двѣ — все понеслось впередъ, и мы, ружейники, кинулись на коней, и поскакали въ разныя стороны, кому гдѣ видна была битва. Шумъ, крикъ, лай, пальба, все это будто потокомъ вылилось изъ лѣсу и разлилось по всему околодку.

И собаки и охотники, и вся охота разбилась врозь, потому что 23 волка, какъ сосчитано было подвывалами, вдругъ прорвались въ трехъ мѣстахъ и разсыпавшись неслись во всѣ лопатки отъ

лѣсу къ лѣсу. Я напалъ на одинокую свору борзыхъ, безъ ловчаго, уцѣпившихся по обѣ стороны за уши волку: онѣ, сильно запыхавшись и храпя отъ злости, какъ клещи впились въ сѣраго вора, и только изрѣдка перехватывали быстро, не давая ему повернуться и закусывая дальше и глубже, а сѣрый хорошо понимая, что тутъ, гдѣ кругомъ идетъ крикъ,лай, улюлюкань и хлопанье арапниками, не мѣсто храбриться, сѣрый тащилъ на себѣ шагомъ упирающихся во всѣ четыре ноги собакъ, добираясь до близкаго лѣсу. Я соскочилъ съ лошади, ухватившись за ружье, — но стрѣлять было нельзя, собаки по обѣ стороны лежали вплоть бокъ–о–бокъ съ волкомъ; я выхватилъ кинжалъ и поймалъ было волка за полѣно (хвостъ), но лошадь, коей поводъ у меня закинутъ былъ на правой рукѣ, фыркнула, рванула и отдернула меня отъ волка; я метался въ отчаяніи, но не могъ сладить; волкъ, покачивая головой, будто въ хомутѣ, тащилъ за собою собакъ и близился къ лѣсу: тамъ бы онъ тотчасъ заговорилъ не

тѣмъ языкомъ и легко бы могъ вырваться, стряхнувъ съ себя собакъ, и поранивъ ихъ, уйти! къ счастью, одинъ изъ ловчихъ, съ привычнымъ конемъ, прискакалъ на помощь, кинулся кубыремъ съ сѣдла, бросивъ мнѣ поводъ, и дернувъ волка сильно за полѣно, запустилъ въ него весь кинжалъ. Не теряя ни минуты, я поскакалъ дальше, и поспѣлъ еще на одну травлю, вѣрнѣе сказать гонку: изъ числа прорвавшихся разомъ волковъ, нѣкоторые успѣли проскочить въ поле безъ погони за ними, потому что собаки и ловчіе увязались уже за другими волками — такого–то тяглеца подмѣтили трое башкиръ и принялись безъ собакъ, давать ему угонки; я подоспѣлъ еще вовремя: и волкъ и лошади башкиръ уже сильно устали; я догналъ его на свѣжей лошади своей и, отрѣзавъ отъ лѣсу, поворотилъ опять на башкиръ; я даже ударилъ его нагайкой по головѣ, и онъ только съ робкою дерзостью оскалилъ на меня зубы, думая очевидно только о томъ, какъ бы уйти! Но одинъ изъ башкировъ удачнѣе моего отвѣсилъ ему по

рылу остолбуху, а другой, наскакавъ сбоку, мигомъ накинулъ на него арканъ, и поволокъ за собою: волкъ обеспамятѣлъ, и всѣ трое, не давъ ему опомниться, бросились на него съ лошадей, скрутили его и сострунили, то есть, перевязали ему рыло вокругъ бичевкой; сдѣлавъ это, они распутали его, дали ему отдохнуть, и повели, какъ козу на веревочкѣ: некуда было бѣдняку дѣваться! пасти не разинетъ, хватить нечѣмъ, и осталось одно: прикинуться смиренникомъ, и поджавъ полѣно идти куда тащатъ!

Мнѣ случилось, и прежде этого, быть участникомъ такой же гонки, на другомъ концѣ Руси: на южномъ Бугѣ. Подъѣхавъ верхомъ къ перевозу, по нашему къ переправѣ, гдѣ для порядку стоялъ казачій караулъ, я вдругъ оглянулся на крикъ выбѣжавшаго изъ маленькаго березоваго лѣсочка мужика: онъ наткнулся тамъ на волка, который пробирался теперь, избѣгая лишней тревоги, по берегу. Мигомъ двое донцевъ вскочили на коней и понеслись за нимъ, а я за ними! Нажрался, нажрался,

кричалъ одинъ казакъ, далече не пойдетъ! Мы разъѣхались пошире врозь, когда выгнали сѣраго на чистое мѣсто и первый казакъ, давъ волку порядочную угонку, съ версту, сталъ забирать лѣвѣе и заворотилъ его исподволь вправо, на втораго казака, который такимъ же образомъ нагналъ его на меня: и точно, что нажрался! бока бочкой и насилу бѣжитъ, и то свинкой, рыломъ въ землю! я его гналъ просто насѣдая на него, и потомъ сбилъ влѣво, на средняго казака, который и уходилъ его: взбѣжавъ тою же ровною метью на взлобокъ, волкъ вдругъ присѣлъ по собачьи, раставивъ переднія ноги вилами и вываливъ языкъ на поларшина! Это означало безусловную здачу, силы отказались! Казаки такъ спѣшно бросились съ мѣста въ погоню, что не взяли съ собой никакого оружія; но не долго думавъ, они отстегнули по путлищу со стременемъ, подбѣжали сзади къ сѣрому, ухватили его за полѣно, и пошли молотить стременами по головѣ.

Но воротимся къ своей охотѣ. Исподволь всѣ стали собираться на поляну передъ волчьимъ притономъ, и волки свозилисъ со всѣхъ сторонъ и подвѣшивались, за заднія ноги, къ сучьямъ деревъ или къ кольямъ, вкругъ раставленаго на дерну обѣда. Оказалось всей добычи осмнадцать разбойниковъ, только пятеро ушло въ разныя стороны; одного, съ сострунимъ рыломъ, посадили на привязи на почетное мѣсто: позади нашего хлѣбосольнаго хозяина. Обѣдъ вручную былъ шумный и развеселый, дивнымъ росказнямъ не было конца; похвалы собакамъ сыпались со всѣхъ сторонъ, особенно *болвану,* который взялъ волка въ одиночку и грызся съ нимъ, до помощи, зѣвъ въ зѣвъ, а потомъ раненому *ларкушу,* о храбрости котораго свидѣтельствовали всѣ очевидцы. Въ это время подошли двое башкиръ, съ какими–то ношами, кои оказались, чѣмъ бы вы думали? двумя живыми, спутанными грифами; грифъ, сипь, орелъ или коршунъ голошейка, который водится у насъ на

Уралѣ, огромная, хищная птица, близкій сродникъ альпійском ягнятнику и американскому кондору; судьба его такая–жъ, какъ и волка: нажравшись, онъ до того тяжелѣетъ, что съ трудомъ подымается съ земли, и то не высоко, такъ, что его можно загнать на лошади; не попавъ на волка, а наткнувшись на сытыхъ грифовъ, эти башкиры позабавились гоньбой за ними, и принесли ихъ связаныхъ, живьемъ. Я самъ смѣрялъ одного: онъ былъ $4\frac{1}{2}$ аршина въ полѣте. Такой грифъ, убитый тогдашнимъ начальникомъ края, графомъ Перовскимъ, стоитъ понынѣ въ Казанскомъ университетѣ.

Во время самой жаркой бесѣды за обѣдомъ, одинъ изъ охотниковъ — впослѣдствіи командовавшій Башкирскимъ войскомъ — вдругъ быстро оглянулся, потому что его потянулъ кто–то за воротникъ: это былъ, повѣшенный за заднія ноги на дерево волкъ, одна изъ жертвъ побѣды нашей; онъ, какъ видно, ожилъ немного, соскучился висѣть на сучкѣ, досталъ передними ногами до земли,

доцарапался до сидѣвшаго передъ нимъ будущаго атамана, и желая ему шепнуть что–то на–ухо, потянулъ его зубами за воротникъ! Вотъ почему у охотниковъ есть правило: вторачивать лису и волка, не за ноги, какъ зайца, а за шею, удавкой, не вѣря смерти ихъ.

Что же еще сказать? Всѣ поднялись и разъѣхались по своимъ мѣстамъ предовольные, потому что радостно надышались свѣжимъ воздухомъ, и удачно поохотились; не всякому, конечно, удавалось быть на полѣ, гдѣ взято срвзу осмнадцать волковъ!

Да, позабылъ было одно: на *горяченькаго* таки ухитрились выставить зашитую въ волчью шкуру свинью, и онъ по ней стрѣлялъ.

В. И. ДАЛЬ.